

К. В. Ворожихина

Митрополит Антоний (Храповицкий) о сущности латинства

УДК 271.2-1
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_181
EDN LNYNIK

Аннотация: В статье исследуются представления митрополита Антония (Храповицкого), одного из самых последовательных и непримиримых критиков римского католицизма, о жизни Западной церкви, сущности христианского единства и своеобразии «папистического» учения, анализируются аргументы владыки Антония против римского вероисповедания. Митрополит настаивал, что различие между Восточной и Западной Церквями не ограничивается догматами, полагая, что расхождения между ними являются фундаментальными и неустранимыми, поскольку православные и католики имеют разное представление о христианском идеале — христианской жизни, ее принципах и цели. Он считал, что римская курия руководствуется земными интересами, забывая, что Церковь — «Царство не от мира сего», в то время как Православная вера, согласно митр. Антонию, есть прежде всего вера аскетическая, она направлена на нравственное возрастание личности и ее духовное возрождение. Владыка приходит к выводу, что стремление римо-католиков осуществить единство в эмпирическом мире приводит к обмирщению и огосударствлению Церкви. Взгляды мыслителя анализируются в контексте учения о Церкви А. С. Хомякова, теократических идей В. С. Соловьева и религиозных исканий Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: христианское единство, Рим, уния, Церковь, государство, симфония, митрополит Антоний (Храповицкий), В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, всеединство.

Об авторе: **Ксения Владимировна Ворожихина**

Кандидат философский наук, старший научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН.

E-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6500-0357>

Для цитирования: Ворожихина К. В. Митрополит Антоний (Храповицкий) о сущности латинства // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 181–190.

Ksenia V. Vorozhikhina

**Metropolitan Anthony (Khrapovitsky)
on the Essence of Latinism**

UDC 271.2-1

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_181

EDN LNYNIK

Abstract: The article examines the ideas of Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), who was one of the most consistent and irreconcilable critics of the Roman Catholic Church, about the life of the Western Church, the essence of Christian unity and the peculiarity of the “papist” teaching, analyzes Anthony’s arguments against the Roman religion. Anthony believed that the differences between the Eastern and Western churches were not limited to dogmas; for him, they are fundamental and unremovable, since Orthodox and Catholics have different ideas about the Christian ideal, that is about the Christian life, its principles and its goals. Anthony believed that the Roman Church is guided by earthly interests, forgetting that the Church is “the Kingdom not of this world”, while the Orthodox faith, according to Anthony, is, primarily, an ascetic faith, aimed at the moral growth of the individual and his spiritual rebirth. Anthony comes to the conclusion that the desire of Roman Catholics to achieve unity in the empirical world leads to the secularization and nationalization of the church. The views of Metropolitan Anthony are analyzed in the context of A. S. Khomyakov’s ecclesiology, theocratic ideas of V. S. Solovyov and religious views of F. M. Dostoevsky.

Keywords: Christian unity, Rome, union, Church, state, symphony, Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), V. S. Solovyov, F. M. Dostoevsky, unitotality.

About the author: Ksenia Vladimirovna Vorozhikhina

Candidate of Science (Philosophy), Senior Research Fellow, Department of History of Russian Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

E-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6500-0357>

For citation: Vorozhikhina K.V. Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) on the Essence of Latinism. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 181–190.

Митрополит Антоний (Храповицкий) — один из наиболее последовательных критиков католицизма в России; его оценка католичества более резка, чем мнение признанного авторитета митрополита Филарета (Дроздова) или, например, ученика и соратника владыки Антония, будущего Патриарха Сергия (Страгородского). Митрополит Антоний издал серию сочинений, посвященных «борьбе с латинством», в которых доказывал «лютейшую ересь» католичества¹.

Ложное единство

Свои размышления об искажениях латинства митр. Антоний, тогда иеромонах, начал публиковать в 1890-е гг., вступив в полемику с богословами-мирянами В. С. Соловьевым и Л. Н. Толстым. Когда в 1889 г. в Париже вышла книга Соловьева “La Russie et l’Eglise Universelle” («Россия и Вселенская Церковь»), целью которой было «оправдание тех трех учений католической церкви», составляющих «главную доктринальную преграду между нею и Востоком: именно — учение об исхождении Св. Духа и от Сына; затем — учение о непорочном зачатии Пресвятой Девы и, наконец, infallibilitas Summi Pontificis ex cathedra»², в феврале 1890 г. иеромонах Антоний выступил с научно-популярными чтениями «Превосходство Православного христианства перед папистическим учением Владимира Соловьева», в которых разобрал основные положения книги.

Исходным пунктом размышлений Соловьева является представление о том, что христианство — не только Божественное учение, но и общественное, церковно-государственное учреждение с единоличным главой, не зависящим от Соборов. Главным объектом критики отца Антония стало латинство с его принципом папства, а предметом — запрещенная русской цензурой французская книга “La Russie et l’Eglise Universelle”, в которой, по мнению владыки, «прежние папистические сомнения» Владимира Соловьева «достигли степени уже самого чистокровного ультрамонтанства»³.

Одной из важнейших тем полемики Соловьева и о. Антония является проблема соотношения Церкви и государства. Согласно о. Антонию, религиозный идеал философа сводится к двум положениям: во-первых, Церковь должна получить власть над государством и действовать через государство; во-вторых, Церковь должна иметь здесь, на земле, религиозный непогрешимый центр в лице папы. О. Антоний уверен, что для философа Церковь — не только и не столько союз религиозный, т. е. союз совестей, — она вбирает в себя все стороны политической и государственной жизни. Выходит, что, согласно автору “La Russie...”, Церкви недостаточно христианской любви, ей необходима и юридическая справедливость — и в этом заключается, по мнению о. Антония, главная ложь философа, которая приводит его к принятию католических догматов. Таким образом, Соловьев неизбежно приходит к выводу, что Церковь не может основать на земле христианского мира и правды без государства, закона и физической силы; однако, подчеркивает о. Антоний, некоторые формы общественной жизни не могут войти в Церковь, поскольку «само существование их обуславливается жизнью по ветхому человеку, жизнью, еще не свободной от греха»⁴. Если Церковь будет использовать средства государственных и общественных учреждений, то она перестанет быть «Церковью воинствующей», борющейся с миром («...жизнь

¹ Подробнее о жизненном и творческом пути митр. Антония см.: Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.

² Учение о непогрешимости римского папы (лат.). Соловьев В. С. Письма. Т. 3. СПб., 1911. С. 138.

³ Антоний (Храповицкий), митр. Собр. соч. Т. 2. М., 2007. С. 230.

⁴ Там же. С. 233.

Церкви есть борьба против жизни мира...»⁵). Внешнее переустройство и новые формы социальной жизни не приведут общество к возрождению; этой цели можно достигнуть лишь на пути христианского смирения, самоотречения и любви — в этом состоит, согласно о. Антонию, разгадка благоустройства общественной жизни. Учение Соловьева ведет Церковь к обмирщению и отрицанию самого христианства: Христос заменяется папой, а любовь — юридической справедливостью и политическим согласием, тем самым Церковь становится неотличима от государства.

Причину заблуждений философа о. Антоний видит в утрате христианского чувства любви. Соловьев, стремясь оправдать католические догматы, приходит к прямому отрицанию первой христианской заповеди. О. Антоний цитирует «La Russie...»: «Любя всех в одном (то есть в папе), ибо иначе любить невозможно... каждый стремится к вере всех через веру, усвоенную одному»⁶; «Эта любовь (т.е. к папе)... в своем происхождении есть акт чистой морали (повиновение категорическому императиву по кантовской терминологии)...»⁷ Таким образом, Церковь для Соловьева и католиков основана на бездушном послушании; а узы, скрепляющие ее, — внешние и холодные. В целом, Церковь в учении Соловьева, подчеркивает о. Антоний, не отличается от мирских царств ни по цели, ни по средствам, ни по содержанию.

Как отмечал биограф митрополита Антония архиепископ Никон (Рклицкий), основные идеи Владимира Соловьева, изложенные в его ранних работах, были близки владыке Антонию: философ «учил, что высшим нравственным принципом жизни является всеединство, по которому все составляют цель деятельности каждого и каждый — всех. По его учению, в основе нормального общества должен лежать духовный союз или Церковь, определяющая собою безусловные цели общества, сферы государственная и экономическая должны были служить формальной и материальной средой для осуществления вечного и неизменного начала, представляемого Церковью»⁸. Еще в «Философских началах цельного знания» (1877), до возникновения «католических симпатий», Соловьев проповедовал идеал свободной теократии, согласно которому Церковь должна одухотворять политику. В своей, наверное, самой славянофильской статье — «О духовной власти в России» (1881) — Соловьев писал о том, что нравственная сила Церкви выше силы народной и власти государственной: «Духовная власть не однородна и не соизмерима с мирскою; она должна освящать и направлять эту последнюю»⁹. Церковь освящает и волю народа, и деятельность государства, поскольку ведет государство и земство к высшей цели — «водворению правды Божией на земле»¹⁰. При этом духовная власть — не принцип и цель, поскольку «принцип есть Христос, а цель — Царствие Божие и правда его»¹¹; она есть необходимое орудие для достижения этой цели. Позднее к преобладанию духовной власти добавляется идея соединения Церквей, предполагающая слияние «Notre Dame de Paris с Кремлем», т.е. повиновение русского императора власти папы (поскольку единственная живая идея, которую выработала Русь, — это идея царя): «Христианская Россия, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету Вселенской Церкви (священству Отца) и отвести подобающее место общественной свободе (действию Духа). Русская империя, отъединенная в своем абсолютизме, есть лишь угроза борьбы и бесконечных войн. Русская империя, пожелавшая служить Вселенской Церкви

⁵ Там же. С. 473.

⁶ Там же. С. 250. Здесь и далее цитаты из сочинения Соловьева «Россия и Вселенская Церковь» приводятся по статье о. Антония (Храповицкого). Перевод французской книги философа был сделан Г. А. Рачинским и опубликован в 1911 г. книгоиздательством «Путь».

⁷ Там же. С. 251.

⁸ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время, 1863–1936. Кн. 1. Нижний Новгород, 2004. С. 137.

⁹ *Соловьев В. С.* Собр. соч. Т. 3. Брюссель, 1966. С. 234.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ Там же. С. 232.

и делу общественной организации, взять их под свой покров, внесет в семейство народов мир и благословение»¹².

Эти филокатолические взгляды Соловьева становятся основным объектом критики о. Антония: он считает, что фундаментальное заблуждение философа состоит в ошибочном понимании Царства Божия как идеала мирского царства. Для о. Антония Церковь и государство являются формами единства людей, однако основополагающие принципы их существования коренным образом различаются. Государство, хотя и является союзом почтенным и благословленным Богом, возникает как необходимость для сосуществования автономных эгоистических личностей. Мирская власть стремится внешним образом соединить обособленных людей. Основываясь на механистическом принципе, государство бессильно постичь внутреннюю жизнь человека и коренным образом преобразить личность и общество: так, оно не может предупредить преступления, также как не в силах исправить преступника. В результате действия государственной системы наказания преступник механически отсекается от других членов общества, поражается в правах, подвергается равнодушному забвению, в то время как Церковь не отрекается от преступника, остающегося членом Тела Христова, а радеет о грешной душе, побуждая его к нравственному преображению и, в конечном счете, спасению. Ссылаясь на старца Зосиму, героя последнего романа Ф. М. Достоевского, о. Антоний полагает, что не государственный закон, а закон Христов охраняет, исправляет и в перспективе перерождает преступника. О. Антоний радикально разводит сферу деятельности Церкви, врачующей человеческую греховность, возводящей человека к совершенству, и мирских царств; он был борцом против порабощения Церкви государством и, в отличие от Соловьева и Достоевского, считал, что Церковь не должна ни смешиваться с государством, ни «переходить» в него.

В статье 1895 г. «Паписты и толстовцы: две крайности» о. Антоний отмечает, что католики неверно истолковывают единство, проповедуемое Христом в Первосвященнической молитве: *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ин 17:21). Они понимают единство как унию, т. е. как обращение «схизматиков», как чисто внешнее объединение «в смысле общей административной подчиненности папе»¹³. По мнению о. Антония, идея Рима (как языческого, так и католического) состоит в идее всемирной империи и вселенского господства. Он отмечает, что Первосвященническая молитва свидетельствует о сущностном, реальном единстве человечества — подобно лицам Святой Троицы: «Молитва эта была не о чем ином, как об устройении на земле нового, единого бытия Церкви, бытия, донныне чуждого разделенному грехом человечеству... Это бытие имеет себе подобие не на земле, где нет единства, а лишь разделение, но на небе, где единство Отца и Сына и Святого Духа совершает трех Лиц в единое Существо, так что уже нет трех богов, но Единый Бог, живущий единою жизнью. Точно так же единое новое бытие,

Архимандрит Антоний (Храповицкий).
Худ. Н. А. Мухин, середина XX в.

¹² Там же. Т. 11. Брюссель, 1969. С. 117.

¹³ Антоний (Храповицкий), митр. Собр. соч. Т. 2. С. 181.

единый новый человек совершается Христом на земле из прежнего враждебного общества иудеев и язычников»¹⁴.

С 1902 по 1914 г. епископ Антоний (с 1906 г. — архиепископ) служил на Волынской кафедре в Западном крае, где процветала уния и шла многовековая борьба Православия и католичества. С июня 1903 г. владыка Антоний состоял в переписке с митрополитом греко-униатской церкви Андреем Шептицким, ставленником папы Льва XIII, известного своим желанием объединить христиан Востока и Запада. Как отмечает М. Л. Хижий, переписка началась в тот момент, когда в России шла дискуссия о восстановлении патриаршества и канонического управления Церковью. Вл. Антоний был активным борцом за исключительную власть епископов в Церкви, т. е. за восстановление канонического церковного управления. Хижий предполагает, что, начиная переписку с православным иерархом, Шептицкий не исключал возможности связать вопрос о реставрации патриаршества в России с темой христианского единства. Он писал вл. Антонию: «По нашему мнению, Россия исполинскими шагами приближается к соединению с Вселенскою, а значит, Католическою Церковью... Православная Церковь должна прежде всего стать сама собою, она должна иметь по-прежнему своего патриарха, устраивать соборы и совещания своих святителей для возобновления духа и истины Христовой»¹⁵.

Шептицкий находил возможным отделение будущей русской Патриархии от царской власти и ее воссоединение с католической церковью через подчинение папе. Однако идеал вл. Антония был совершенно иным, византийским — в установлении «симфонии» духовного и светского начал. Владыка считал русского царя носителем священной самодержавной власти, ответственным перед Богом за свой народ, и защитником Церкви от внешних врагов. Митрополит Андрей полагал, что объединение Церквей желательно и даже необходимо перед лицом общей усиливающейся угрозы атеизма, в то время как вл. Антонию такой союз не казался возможным. В отличие от католиков и митрополита Андрея, он не верил в нравственный прогресс и будущее единство христиан, скорее наоборот — история Церкви представлялась ему историей отпадений: гностиков, ариан, монофизитов, иконоборцев, католиков, жидовствующих, униатов, раскольников, штундистов и др. — от истинной, т. е. Православной, Церкви. В 1908 г. переписка архиепископа Волынского и митрополита греко-униатской церкви прекратилась, корреспонденты не достигли взаимного понимания по церковным и богословским вопросам.

Восток и Запад

Для владыки Антония Волынского католичество — ересь, возводящая заблуждения в догматы: латиняне отпали от христианства, измыслив «пагубный и унижительный для вселенского христианства догмат о непогрешимости пап», а до этого — догматы о «непорочном зачатии Пресвятой Девы Ее родителями Иоакимом и Анною»¹⁶ и об исхождении Святого Духа от Отца и Сына (отвергнутый папой Львом III). Католики исказили Таинство Причастия, подавая его мирянам под одним видом, вопреки изречениям Иисуса Христа и апостола Павла: «...в Писании сказано: *Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (Ин 6:53). Отсюда видим, сколько погрешает та вера, которая преподает причастие под одним видом опресноков»¹⁷. Латинство также отличают от Православия несправедливые посты в субботу, праздники и др. Архиепископ Волынский обвинял католиков в искажении Символа веры и учения о Троице, ссылаясь на евангельский фрагмент о сошествии

¹⁴ Там же. С. 462.

¹⁵ Цит. по: Хижий М. Л. Архиепископ Антоний (Храповицкий) и митрополит Андрей (Шептицкий) в личной переписке начала XX в. (О попытке православного и греко-католического диалога) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 6. Вып. 1. С. 53.

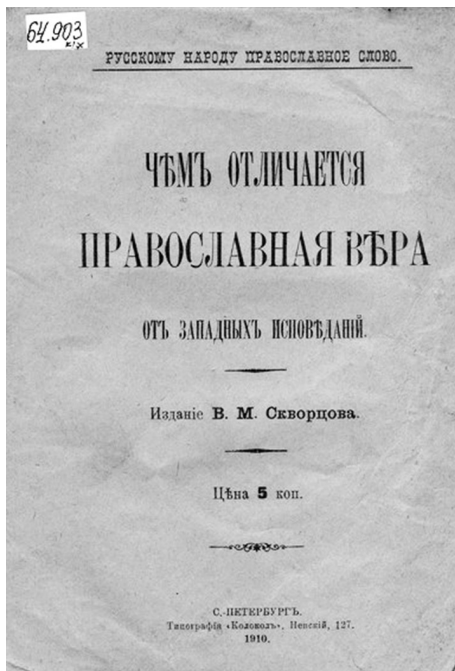
¹⁶ Антоний (Храповицкий), митр. Собр. соч. Т. 2. С. 941.

¹⁷ Там же. С. 948.

Святого Духа на Иисуса во время крещения (Мф 3:16). Он отрицал догмат о папской непогрешимости, аргументируя это тем, что, хотя во времена Соборов архиепископ Рима действительно признавался первым среди пяти патриархов, однако первенство Римской кафедры утверждалось лишь по причине того, что Рим был столицей. Впоследствии столицей стал и Константинополь, сравнившись в первенстве с Римом, а вместе с тем и Патриарх Константинопольский получил такие же преимущества, как и римский первосвященник, что было закреплено, как подчеркивает вл. Антоний, правилами IV и VI Соборов. Римские папы не были судьями Соборов и не утверждали их решений, но, как и другие Патриархи, подчинялись соборным решениям и даже бывали судимы как еретики (например, папа Гонорий — за монофелитство).

Однако вл. Антоний считал, что различие между Православием и латинством заключается не только в догматических расхождениях. Первым, кто указал не на догматические противоречия, существующие между православием и западными верованиями, а на разность *идеала*, был философов-славянофил А. С. Хомяков, и в этом состоит его богословская и миссионерская заслуга. Корень раздора Хомяков усматривал в девятом члене Символа веры, т.е. в учении о Церкви. Владыка Антоний пишет: «Разумея под Церковью не столько власть, сколько взаимный союз душ, восполняющих друг друга своим таинственным общением со Христом, Который открывается верующим не поодиночке, но в их взаимной любви, по их единству (Вселенский Собор), Хомяков вносит во все требования церковной дисциплины и в самое божественной истины (что обусловлено авторитетом церковного предания) — вносит дух радостный, чуждый рабства, уносящий нас в необъятную широту общения с целым миром верующих, с целой вечностью»¹⁸. Владыка признает учение Хомякова православным, но неполным, и стремится по-своему его восполнить. По его мнению, разница между Православием и европейскими религиями пролегает даже глубже догмата о Церкви — западные религии предполагают иное представление о христианской жизни, ее принципах и цели.

Архиепископ Антоний считает, что европейские религии утратили понятие о Церкви как о «нравственном союзе верующих»¹⁹ и низвели Царство Божие либо до личного подвига, либо до «внешне-правовой государственной организации»²⁰. Православие, по его мнению, учит строить жизнь в соответствии с требованиями христианского совершенства, отталкиваясь от евангельских и богословских истин как от непоколебимого факта; западные же исповедания берут из христианства лишь то, что совместимо с современностью и не представляет угрозы для существующего миропорядка. Таким образом, Православие ориентируется на аскетику, духовное подвижничество, в то время как католичество и протестантизм — на заимствования из христианства

Работа вл. Антония «Чем отличается Православная вера от западных исповеданий», 1910 г.

¹⁸ Там же. С. 291.

¹⁹ Там же. С. 291–292.

²⁰ Там же. С. 292.

всего насущного и полезного *sub specie seculi*²¹. Христианская идея подвижничества и святости практически исчезла на Западе, на смену ей пришло забвение Воскресения и сосредоточенность на земном благополучии. Целью Православия, согласно владыке, является спасение через, кроме прочего, духовное совершенствование личности, которое «достигается путем самодеятельной, сложной работы над собой, внутренней борьбой, лишениями, в особенности же самоуничижением»²², — через эти подвиги верующий уподобляется Христу. Таким образом, для вл. Антония Православная вера есть прежде всего вера *аскетическая*, а истинное православное богословское мышление (в противоположность школьному богословию, копирующему западные образцы) — это «исследование о путях духовного совершенствования»²³. Владыка подчеркивает, что спасение на Западе понимается как «внешнее воздаяние за известное количество добрых дел (внешних же) или за несомненную веру в Божество Иисуса Христа (протестантизм)»²⁴. Он пишет: «Там не рассуждают и не умеют рассуждать о том, как постепенно должна освобождаться душа от своего подчинения страстям, как мы восходим от силы в силу к бесстрастию и полноте добродетелей. Есть там и аскеты, но жизнь их проникнута мрачным, бессознательным выполнением давно установленных дисциплинарных требований, за что им обещано прощение грехов и будущая вечная жизнь. А то, что эта вечная жизнь уже явилась, как говорит святой апостол Иоанн, что это блаженное общение с Богом достигается неуклонным подвижничеством еще здесь, как говорит прп. Макарий Великий, — всего этого Запад не понимает»²⁵.

Вл. Антоний видел несоответствие между школьным академическим богословием, заимствованным, по его мнению, (со времен открытия Киево-Могилянской академии и деятельности Петра I) у католиков и протестантов, и православной духовной практикой, богослужебными гимнами и молитвами, содержащими святоотеческую мораль; отмечал чуждость, как он полагал, современной ему богословской науки внутренней жизни православных христиан. Владыка стремился устранить влияние инославного «псевдо-христианского» богословия, чтобы освободить русское богословие от удушающей его схоластики, одним из проявлений которой он считал «юридическую» теорию искупления. В теории сатисфакции, восходящей к сочинениям схоласта Ансельма Кентерберийского, Жертва Христа рассматривается как «заместительное удовлетворение» (*satisfactio vicaria*) за оскорбление Бога и поругание Его чести согрешившим человечеством. В такой парадигме первородный грех предстает нарушением правового порядка, установленного Богом, а Крестная Жертва является восстановлением поруганной Божественной справедливости. Архиепископ Антоний предложил свою — нравственную — трактовку догмата искупления, вызвавшую много споров среди православных богословов. Он делал акцент не на Голгофе и Жертве, а на внутреннем борении Христа во время Гефсиманского моления (Мф. 26:39), подчеркивая психологическую, аскетическую, субъективную сторону спасения.

Подлинное единство

Подобно Соловьеву и Достоевскому, владыка Антоний утверждал первоначальное метафизическое единство человечества — существование единой человеческой природы, досознательной общечеловеческой воли, которая была нарушена грехом, внесшим раздор и взаимное отчуждение в жизнь людей. После греха Адама человечество оказалось в болезненном, переходном состоянии, характеризующемся

²¹ С точки зрения века, времени (*лат.*)

²² Там же. С. 295.

²³ Там же. С. 295.

²⁴ Там же. С. 295.

²⁵ Там же. С. 295–296.

ростом автономного сознания, при котором человек начинает выделять себя из первоначального единства и противопоставлять себя другим. Выход из этого мучительного положения указывает Христос, открывающий возможность к свободному и сознательному возвращению к единству через отрешение от своеволия. Как пишет владыка, Своей человеческой природой Христос соединяется с каждым человеком, «рассекает установленную грехом преграду между людьми и восстанавливает первобытное единство естества»²⁶. Это восстановленное Христом единство верующих и есть Церковь²⁷, в которой сохраняется свобода личности, но преодолевается самозамкнутость, обособленность индивидов: люди вновь становятся открытыми друг для друга; кто соединяется со Христом, тот может «входить и в природу ближних»²⁸, «вливать непосредственно в другую [личность] часть своего содержания»²⁹. Спасение, подчеркивает архиепископ Антоний, возможно лишь в истинной Церкви, создающей пространство для бытования взаимной любви по подобию жизни Лиц Святой Троицы: «...Церковь есть подобие Троического бытия, подобие, в котором многие личности становятся единым существом»³⁰; «Бог един по существу и по жизни, но троичен в Лицах, так и Церковь едина по существу, множественна в лицах, ее составляющих»³¹.

Согласно вл. Антонию, католическая церковь неспособна создать реальное сущностное единство во множестве лиц, она не является частью Тела Христова. Она строит свою жизнь по образу государственного механизма, насильственно объединяющего разрозненных, безразличных друг к другу личностей узами власти и закона, поскольку, подчеркивал он, «псевдо-христианский» Запад не понимает и не принимает отрицания мира христианством. С его точки зрения, римско-католическая церковь следует логике «мира сего» и проповедует «поклонение силе, власти, своеволию, гордости»³². Именно этот процесс обмирщения церкви описал Достоевский в поэме о Великом инквизиторе. Священник Сергей Соловьев, внук известного историка и племянник Владимира Соловьева, подчеркивал, что митр. Антоний (Храповицкий), как и почитаемый им Достоевский, не видел в католиках христиан³³. Архимандрит Киприан (Керн) отмечал, что митрополит Антоний не чувствовал боли «о разделении церковного единства», для него «Церковь — одна» и «других церквей быть не может», а все, что несогласно с Церковью, — это «ересь, раскол, самочинное собрание»³⁴. Он не признавал таинств католической церкви, считал ее иерархию безблагодатной. В целом, митрополиту Антонию было чуждо широко распространенное в русском обществе представление о католичестве как об одной из ветвей христианства, с которой Православию надлежит примириться в конце времен.

Источники и литература

1. *Антоний (Храповицкий), митр.* Избранные труды. Письма. Материалы. М.: ПСТГУ, 2007. 1056 с.
2. *Антоний (Храповицкий), митр.* Собр. соч. М.: ДАРЪ, 2007. Т. 1. 976 с.; Т. 2. 1024 с.
3. *Киприан (Керн), архим.* О лицах, событиях, встречах. М.: ПСТГУ, 2021. 826 с.

²⁶ *Антоний (Храповицкий), митр.* Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007. С. 64.

²⁷ *Антоний (Храповицкий), митр.* Собр. соч. Т. 2. С. 470.

²⁸ Там же. Т. 1. М., 2007. С. 41.

²⁹ Там же. С. 42.

³⁰ Там же. Т. 2. С. 463.

³¹ Там же. С. 466.

³² *Антоний (Храповицкий), митр.* Избранные труды... С. 314.

³³ *Соловьев С. М.* Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия. М., 1917. С. 9.

³⁴ *Киприан (Керн), архим.* О лицах, событиях, встречах. М., 2021. С. 333.

4. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время (1863–1936). Кн. 1. Нижний Новгород: Изд. Братства во имя Святого князя Александра Невского, 2004. 716 с.
5. *Романовский Д.* Антоний Храповицкий. Философия. Богословие. Культура. Краков: Księgarnia Akademicka, 2013. 306 с.
6. *Соловьев В. С.* Письма. Т. 3 / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1911. 340 с.
7. *Соловьев В. С.* Собр. соч. Т. 3. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. 658 с.; Т. 11. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969. 674 с.
8. *Соловьев С. М.* Вопрос о соединении церквей в связи с падением русского самодержавия. М.: Московская просветительская комиссия, 1917. 20 с.
9. *Хижий М. Л.* Архиепископ Антоний (Храповицкий) и митрополит Андрей (Шептицкий) в личной переписке начала XX в. (О попытке православного и греко-католического диалога) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 6. Вып. 1. С. 52–60.
10. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Даренский В. Ю., Иванов И., свящ., Шкаровский М. В., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б.* Митрополит Антоний (Храповицкий) — выдающийся русский иерарх, мыслитель, богослов XX в. К 160-летию со дня рождения (1863–1936). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 124–160.